

Пенитенциарная система нацистов в Беларуси

Гребень Е. А.

Гребень Е. А. Пенітенціарна система нацистів в Білорусі. В статті розглядається функціонування нацистської пенітенціарної системи на території окупованої Білорусі. Охарактеризовано корпус джерел з даної проблеми, визначені види правопорушень цивільного населення та види покарань, що накладалися окупаційною адміністрацією за різні вчинки. На прикладі окремих тюрем показано рух ув'язнених в різні часи окупації, реконструйовано тюремну повсякденність.

Ключові слова: пенітенціарна система, нацистський окупаційний режим.

Гребень Е. А. Пенитенциарная система нацистов в Беларуси. В статье рассматривается функционирование нацистской пенитенциарной системы на территории оккупированной Беларуси. Охарактеризован корпус источников по данной проблеме, обозначены виды правонарушений гражданского населения и виды наказаний, налагаемых окупационной администрацией за различные проступки. На примере отдельных тюрем показано движение заключенных в разное время оккупации, реконструирована тюремная повседневность.

Ключевые слова: пенитенциарная система, нацистский окупационный режим.

Hreben Yauhen. The Prison Nazi System in Belarus. The article contains the information about the activity of the Nazi prison system on the territory of Belarus under occupation. The group of sources on this problem is characterized, types of delicts of the civil population and types of punishments for different delinquencies executed by occupation administration are pointed out. The statistics of prisoners is distinguished on the example of the single prisons during the period of occupation, the prison daily routine is reconstructed.

Keywords: prison system, Nazi occupation regime.

Пенитенциарная система – совокупность тюремных мероприятий направленных на кару и исправление заключенных, а также государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

Пенитенциарная система нацистов в оккупированной Беларуси до настоящего времени детально не изучена [23, с. 10-12].
Порядок
© Гребень Е. А.

функционирования тюрем фрагментарно затрагивался в отдельных исследованиях, однако в настоящее время нельзя говорить о хотя бы частичном изучении этой составляющей оккупационного режима, на фоне имеющейся обширного комплекса источников.

В государственных областных архивах Республики Беларусь хранятся фонды 8 тюрем (Пинская, Ошмянская, Бобруйская, Слуцкая, Столбцовская, Витебская, Дриссенская тюрьмы и Могилевский Арестный дом), на основании которых можно реконструировать пенитенциарную систему немецких оккупационных властей в Беларуси [22]. Отдельные документы городских и районных управ дают фрагментарные сведения о видах правонарушений и наказаний, тюремной повседневности. Не все сохранившиеся комплексы документов одинаково информативны. Например, в фонде Слуцкой тюрьмы имеется 3608 алфавитных карточек на узников и журнал регистрации заключенных за период с 18.07.1941–8.10.1941 гг. [17]. Единственное архивное дело фонда Дриссенской тюрьмы представляет собой журнал дежурных тюрьмы и списки заключенных [1]. В фонде Столбцовской тюрьмы есть данные о количестве заключенных за 1941–1943 гг., и о причине заключения под стражу [18, л. 1-163]. Фонд Ошмянской районной тюрьмы Каунасского тюремного департамента включает личные дела более чем шестисот заключенных за период 1941–1944 гг. [16]. Наиболее информативны документы Витебской тюрьмы, которые, в совокупности с документами других тюрем, позволяют достаточно полно реконструировать механизм функционирования пенитенциарной системы нацистов в Беларуси.

Гражданское население подвергалось наказаниям на основании распоряжений различных оккупационных структур. Взыскания за криминальные и административные правонарушения могли накладывать главы коллаборационной администрации, немецкие комендатуры и гебитскомииссары, а также судебные инстанции. Приказом Могилевского бургомистра № 33 от 29.08.1941 г. вплоть до введения постоянных законов были установлены временные правила наказаний за различные правонарушения. Самовольный захват квартир и других построек, поломка коммунальной собственности, рубка деревьев карались штрафом до 200 руб. или арестом до 1 месяца. Появление в общественном месте в нетрезвом виде и нарушение общественного порядка влекло штраф до 50 руб. или арест до 2 недель. За не своевременную прописку или не прописку жильцов накладывался штраф от 25 до 100 руб. За не явку для отбытия трудовой повинности грозил штраф 25 руб. или арест до 5 дней. Кража каралась тюремным заключением от 3 месяцев до 1 года [10, л. 48].

Сохранились отдельные сведения о гражданах, находившихся под арестом в Арестном доме при Управлении Службы порядка г. Могилева в конце 1941 г. Так, 18.12.1941 г. под арестом находилось 11 чел.: 1 – за

присвоение казенных вещей, 2 – за кражу, 1 – за хулиганство, 3 – до выяснения личности, 1 – за побег из лагеря военнопленных, 3 как евреи и 1 без указания причины задержания. Гражданин, арестованный за присвоение казенных вещей, по распоряжению ортскомендатуры содержался под стражей до 25.01.1942 г., обвиняемые в краже и хулиганстве были приговорены Юридическим бюро к 14 суткам ареста, еще один гражданин – к административному аресту на 5 суток [20, л. 121]. 19.12.1941 г. в тюрьме содержалось только 6 чел. В списке отсутствовали граждане, содержавшиеся под арестом до выяснения личности (очевидно, были отпущены или подвергнуты более суровому наказанию комендатурой, так же как и гражданки, обвиняемые в принадлежности к еврейской национальности (убыла в тот же или следующий день) и сбежавший из плена красноармеец. В этот день в Арестный дом прибыли еще двое узников, один из которых обвинялся в краже, другая гражданка была арестована как еврейка [20, л. 122]. 20.12.1941 г. в Арестном доме содержалось 8 граждан: кроме упоминавшихся ранее отбывающих свои сроки заключения среди вновь прибывших значилась еще одна гражданка, врач по профессии, арестованная как еврейка, и граждане, обвинявшиеся в побеге [20, л. 123]. 22.12.1941 г. под арестом находилось 11 граждан, 6 из которых содержалось до выяснения личности, остальные за криминальные проступки [20, л. 124]. Ежедневные сведения об арестованных интересны тем, что позволяют увидеть движения узников Арестного дома, статью обвинения, меру пресечения и инстанцию, вынесшую приговор. Из сводок видно, что граждане, подозревавшиеся в принадлежности к евреям, не задерживались в тюрьме более суток и, очевидно, отправлялись в гетто или уничтожались. Арестный дом служил местом заключения как для лиц, приговоренных к определенным срокам заключения за криминал, так и для граждан, чьи дела попадали под юрисдикцию немецких структур.

В г. Витебске помимо печально известного концлагеря 5-ый полк, трудового лагеря на территории Зеркальной фабрики и тюрьмы СД, действовала находившаяся в ведении местной полиции городская тюрьма, ставшая местом заключения многих жителей города и района [2, л. 577]. В 1941–1942 гг. тюрьма имела статус городской, в документах 1943 г. именовалась районной [3, л. 224].

Суровые условия жизни и быта периода нацистской оккупации имели следствием рост преступности, жертвами которой становилось гражданское население, а порой и сами немцы. Ортскомендатура Витебска в письме к фельдшармерии от 2.03.1942 г. констатировала рост антинемецких настроений среди гражданского населения, выразившихся в ожидании возвращения Красной Армии, помощи ей и, одновременно, рост криминала в городе, в первую очередь, воровства, в

том числе у немцев. Только в феврале 1942 г. было арестовано 953 чел. В г. Витебске было проведено 14 облав, 4 городских участка были тщательно прочесаны, в результате было арестовано 166 чел., 87 из которых не имели документов [4, л. 2]. За период с 1.04.1942 г. по 15.05.1942 г. было арестовано еще 843 чел., из которых 46 чел. арестовано за воровство, 35—за нарушение рабочей дисциплины, 42—из-за подозрения на заболевание венерическими болезнями, 541 чел. из-за отсутствия документов. 25 чел. было передано ГФП и СД для дальнейшего выяснения личности [4, л. 4]. С 15.05.1942 г. по 14.06.1942 г. аресту со стороны фельдкомендатуры, СД, ГФП и полиции подверглись: 176 чел. из-за нарушения паспортного режима, 245 чел. из-за нарушения запрета на посещение базара, 72 за нарушение комендантского часа, 31 за подозрение на венерические заболевания, 15 за уклонение от исполнения трудовой повинности, 1 за диверсию (подозрение в повреждении кабеля) и 1 за агитацию, всего 541 чел. [4, л. 9].

В тюрьме до выяснения личности содержались граждане, не имевшие документов, причем нарушение паспортного режима могло повлечь достаточно продолжительное тюремное заключение, иногда с повторным разбирательством, поскольку граждане с недействительными документами или вообще не имевшие таковых вызывали вполне обоснованное подозрение оккупационных властей, видевших в них потенциальных членов движения Сопротивления [4, л. 380; 9, л. 285].

Причины арестов и виды правонарушений видны из сохранившихся многочисленных распоряжений коменданта Витебской ортскомендатуры, издаваемых начиная с середины сентября 1941 г. и, по крайней мере, до октября 1942 г. Очевидно, позднее карательные функции были переданы Витебскому мировому суду. По крайней мере, семь приговоров коменданта 15–16.09.1941 г. касались граждан (9 чел.), обвиненных в грабеже во время пожара в Витебске во время отступления советских войск 10–11.07.1941 г. В ряде постановлений содержатся поясняющий обстоятельства дела комментарии: «во время пожара награбили целый склад продуктов», «воровал в огромных количествах при пожаре», «взял в госпитале коня, белье и продукты». В первую очередь, речь идет о случаях оккупационные власти карали граждан за присвоение государственной собственности, которая рассматривалась как принадлежащая рейху. За подобные проступки налагалось наказание от одного до четырех месяцев тюрьмы [5, 312–313; 13, л. 61]. При вынесении приговора фельдкомендант принимал во внимание обстоятельства совершения правонарушения. 20.10.1941 г. к трехнедельному аресту был приговорен житель Витебска Павел А. за спекуляцию спиртом (требовал «ростовщическую» цену 6 немецких марок за четверть литра). В постановлении коменданта отмечалось, что

гражданин приговорен к столь малому наказанию только потому, что он как безработный регулярно отмечался на бирже труда [2, л. 340]. В других случаях аналогичные правонарушения карались более сурово. Среди других приговоров также доминируют дела о воровстве продуктов питания, присвоение собственности (в том числе и сотрудниками полиции и городской управы), отсутствие регистрации и тунеядство, спекуляция, нарушение правил торговли (отказ принимать советские денежные знаки). Иногда несколько преступлений фигурировали в одном приговоре, например, отсутствие регистрации, тунеядство и спекуляция одновременно. Осенью 1942 г. подобные проступки карались тюремным заключением от одной недели до трех месяцев, а также во многих случаях комендант приговаривал граждан к определенному количеству палочных ударов, например, 10 палок в два приема, 20 палок в два приема и т.д. [7, л. 69, 70, 168; 6, л. 61; 11, л. 38, 41; 5, л. 312, 314]. Арестом на 24 часа карались граждане за нарушение общественного порядка (драки, появление на улице в нетрезвом виде) [8, л. 342, 346; 13, л. 162]. Фельдкомендатура могла приговаривать граждан к возмещению материального ущерба. 10.10.1941 г. 13 витебчан, обвиняемых в воровстве дров и кровельного железа, были приговорены к аресту на одну неделю и денежному штрафу или принудительным работам, а в случае не внесения штрафа или не выхода на работу тюремное заключение увеличивалось еще на неделю [6, л. 59].

Для 1942 г. характерны те же правонарушения (по-прежнему лидировали кражи), но сроки тюремного заключения увеличились и составляли 2–3 месяца плюс по 10–20 палочных ударов за каждый месяц заключения [7, л. 68, 164, 244; 6, л. 160-168]. Для карательных процедур 1942 г. характерна также практика учета или не учета срока предварительного заключения при вынесении приговора [2, л. 574, 576]. Практиковалась отправка заключенных на принудительные работы в Германию [4, л. 372].

В тюрьме постоянно происходило движение заключенных. Подозреваемых в сопротивлении оккупационному режиму граждан регулярно зывали на допросы в полицию, СД, жандармерию, некоторые не возвращались, либо расстреливались либо отправлялись в лагерь, тюрьму СД на принудительные работы в Германию, некоторые узники умирали, взамен на временное содержание прибывали новые арестованные, кто-то отпускался по окончании срока заключения или по причине недоказанности преступления. 5.01.1942 г. в тюрьму из фельдкомендатуры прибыло 2 чел., из уголовного отдела полиции 3 чел., 4 заключенных были освобождены уголовным отделом. С 5 на 6.01.1942 г. в тюрьме содержалось 126 заключенных [2, л. 11]. 2.08.1942 г. в Витебскую тюрьму из ортскомендатуры и фельдкомендатуры поступило по одному гражданину, трое прибыло из

уголовного отдела полиции, в свою очередь, туда же в этот день было направлено 4 граждан, трое было освобождено по отбытии срока; всего в тюрьме содержалось 198 чел. [7, л. 23]. 4.08.1942 г. в тюрьме содержалось 175 чел., в последующие недели количество узников постоянно росло и к 22.08.1942 г. достигло 311 чел., после чего уменьшилось до 282 чел. к 24.08.1942 г. [9, л. 29-33, 40, 41, 43]. Аналогично ситуация выглядела и в последующем 1943 г. Число узников не опускалось ниже 100 чел., ежедневно кто-то из них выбывал по различным причинам, а на их место прибывали другие граждане [7, л. 269, 304, 315, 316, 331, 332, 342-344].

Содержание под стражей могло объясняться тем, что обвиняемые в преступлении могли повлиять на ход следствия, находясь на свободе. 8.06.1942 г. начальник полиции предписал взять под стражу кладовщика дер. Давыдовка Витебской волости, подозреваемого в растрате из кладовой общины 400 кг. пшеницы и 317 кг. ячменя. Мера пресечения была выбрана для «предупреждения способов уклониться от следствия и суда» [4, л. 31]. Изредка практиковалось освобождение под подписку о не выезде [4, л. 348; 14, л. 393].

При направлении граждан в тюрьму криминальный отдел полиции г. Витебска пересылал начальнику Витебской тюрьмы, в котором указывалось фамилия и имя арестованного (или арестованных; до 5 человек), направляемого для содержания под стражей, а также требование произвести тщательный обыск арестованных, оформив его специальным актом [4, л. 401]. Периодически заключенных вызывали на допрос, для чего начальник криминального отдела полиции выписывал специальное извещение начальнику тюрьмы, в котором указывались имена и фамилии конвоируемых на допрос граждан и их номера [4, л. 24]. По окончании срока заключения начальник тюрьмы подавал на имя начальника криминального отдела рапорт, в котором сообщал, что срок заключения истек, наказанный за конкретное преступление гражданин освобожден из-под стражи, а также сообщалось, что выполнено указание о наказании заключенного определенным количеством палочных ударов, если он был к этому приговорен [7, л. 163]. Полиция оповещала начальника тюрьмы о передаче дел заключенных в суд [2, л. 319, 319 об.]. Постановления о заключении граждан в тюрьму выносились разными органами власти. Чаще всего на подобных документах стояла подпись полевого коменданта, иногда совместно с инспектором полевой юстиции, либо только подпись последнего [4, л. 30]. Решение о временном заключении на период следствия мог принимать начальник полиции [6, л. 77].

Освобождение из тюрьмы следовало в результате окончания срока заключения (это касалось абсолютного большинства узников, получавших за криминальные преступления относительно небольшие сроки заключения), а также по решению суда или криминального

отдела полиции, если последние находили гражданина не виновным, и предварительный арест заканчивался [6, л. 236, 81]. В случае если участие в преступлении не было доказано, обвиняемый отпускался. Например, гражданин Ефим О., обвиняемый в краже материалов с фанерной фабрики в январе 1942 г., был отпущен за неимением улик, но при этом был наказан 25 палочными ударами [10, л. 234]. Подобные случаи в 1942 г. имели место, как минимум, еще трижды [2, л. 155, 178]. Начальнику тюрьмы также сообщался ход разбирательства дел некоторых узников [4, л. 381]. В ряде случаев заключенные направляли заявления о помиловании, которые, чаще всего, отклонялись, о чем в письменной форме комендант фельдкомендатуры уведомлял через городскую управу просителей [4, л. 45; 9, л. 342]. Тем не менее, в редких случаях помилование могло быть оказано [6, л. 158].

Тюремный быт характеризует рапорт начальника Витебской городской тюрьмы начальнику полиции от 29.07.1942 г., в котором первый просил отпустить для тюрьмы доски для настила кроватей, так как в тюрьме не было ни одной доски [2, л. 172]. Антисанитарные условия и дефицит продовольствия приводил к заболеваниям узников сыпным тифом [6, л. 164]. Мизерный тюремный паек обрекал узников на полуголодное существование, поэтому заключенным разрешалось получать передачи от родственников. Они же имели право на поучение оставшихся от заключенных вещей и продуктов в случае убытия граждан в Германию или смерти [4, л. 372].

Документы, регламентирующие прядок питания заключенных в тюрьмах, находившихся под юрисдикцией коллаборационной администрации, не выявлены. Можно предположить, что продовольственные нормы определялись в каждом конкретном случае на усмотрение местной администрации. На основании приказа бургомистра Могилева от 29.08.1941 г. заключенные должны были содержаться в тюрьме за свой счет [19, л. 48]. В 1943 г. в Могилеве практиковалось обеспечение узников Арестного дома по хлебным карточкам [21, л. 54]. Очевидно, это касалось лишь тех горожан, которые были официально зарегистрированы и имели работу. В случае ареста лиц, не имевших постоянной регистрации, их паек был еще меньше чем даже скудный паек, полагающийся горожанам по карточкам. В Арестном доме г. Речицы осенью 1941 г. заключенным полагалось 250 гр. хлеба в сутки, однако, насколько эта норма выполнялась, сведения отсутствуют [14, л. 16]. На основании ряда фактов можно констатировать, что питание заключенных осуществлялось по остаточному принципу, и не всегда носило регулярный характер, и полуголодное существование на фоне антисанитарии стало нормой тюремного быта. Условия содержания узников красноречиво иллюстрируют донесения о смерти некоторых заключенных. В Витебской тюрьме из приговоренных полевым судом к

различным срокам заключения 167 граждан за период 6.11.1941–26.12.1941 г. умерло 3 чел., из отбывавших заключение за период 21.12.1941–12.12.1942 г. 70 чел. умерло еще двое узников [7, л. 418-439].

21.10.1942 г. начальник Витебской тюрьмы издал распоряжение относительно порядка прогулки заключенных. Тюремной охране предписывалось производить прогулки арестованных, сидевших в одной камере, каждая партия должна была ходить, разбившись по парам и заложив руки за спину, вкруговую по тюремному двору в течение 15 минут; прогулка начиналась ежедневно с 9.00. Прогулочный двор должны были охранять два вооруженных охранника (в помощь могли привлекаться и немецкие солдаты), ответственный дежурный и его помощник наблюдали за арестованными внутри прогулочного двора без оружия, чтобы в случае побега заключенные не могли завладеть им [7, л. 162].

Тяжелые условия тюремной повседневности периодически вызывали побег или попытки побега заключенных, о чем сообщало тюремное руководство начальникам полиции, как, например, в Речице в ноябре 1941 г. [14, л. 8]. В донесении Витебской ортскомендатуры фельдкомендатуре от 3.02.1942 г. сообщалось о попытке к бегству из заключения одного из узников, который был расстрелян [4, л. 15]. О том, что попытки побегов становились тенденцией, свидетельствовал приказ Речицкого гебитскомиссара от 27.04.1943 г., который обязывал начальников района распространить во всех арестных домах объявления на немецком, украинском и русском языках следующего содержания: «Кто из тюрьмы бежит или сделает попытку бегства, тот наказывается смертной казнью, в смягчающих случаях каторга». Надзиратели должны были дать прочесть это объявление каждому заключенному [15, л. 22].

Количество узников, прошедших через Витебскую тюрьму, по не полным данным можно оценить цифрой не менее 2791 чел. С начала немецкой оккупации и до конца в 1941 г. заключению подверглись 663 чел., в 1942 г. – 898 чел., в 1943 г. – 1230 чел., данные по 1944 г. отсутствуют [11, л. 1-76; 12, л. 1-40]. Штат Витебской тюрьмы по состоянию на 6.03.1943 г. составлял 28 чел. [13, л. 10 об.].

Изучение материалов оккупационных органов юстиции и мест содержания под стражей гражданских лиц позволяет реконструировать механизм функционирования немецкой пенитенциарной системы как одного из репрессивных элементов нацистского режима в отношении жителей оккупированной Беларуси. Имеющийся в распоряжении исследователей корпус источников по данной проблеме показывает, что значительная часть граждан подвергалась наказанию за экономические правонарушения, к которым их подталкивали суровые реалии оккупационной повседневности. Среди разнообразных мер наказания за

нарушение «нового порядка» нацистов тюремное заключение являлось наиболее жесткой мерой, нередко приводившей к смерти граждан.

Примечания

1. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2829. – Оп. 1. – Д. 1.
2. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 8.
3. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 10.
4. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 2.
5. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 1.
6. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 4.
7. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 5.
8. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 11.
9. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 3.
10. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2116. – Оп. 1. – Д. 1.
11. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 2. – Д. 1.
12. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 1. – Д. 12.
13. *Государственный архив Витебской области.* – Ф. 2155. – Оп. 2. – Д. 1А.
14. *Государственный архив Гомельской области.* – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 2.
15. *Государственный архив Гомельской области.* – Ф. 1326. – Оп. 1. – Д. 4.
16. *Государственный архив Гродненской области.* – Ф. 1337. – Оп. 1. – Д. 1-641.
17. *Государственный архив Минской области.* – Ф. 1619. – Оп. 1. – Д. 1-2.
18. *Государственный архив Минской области.* – Ф. 1039. – Оп. 1. – Д. 189.
19. *Государственный архив Могилевской области.* – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 15.
20. *Государственный архив Могилевской области.* – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 17.
21. *Государственный архив Могилевской области.* – Ф. 259. – Оп. 1. – Д. 59.
22. *Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945). Справочник.* – Дрезден; Минск; Грац, 2003.
23. *Шалаева С. Б. В оккупированном Витебске / С. Б. Шалаева // Выстояли и победили: свидетельствуют архивы.* – Витебск, 2005.